

И.К. Кирьянов

Государственная Дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности

Ключевые слова: Государственная Дума, члены Государственной Думы, революция 1917 г., Гражданская война, эмигрантские организации.

Последнее заседание Государственной Думы четвертого созыва состоялось 25 февраля 1917 г. В условиях начавшейся революции указом императора был объявлен перерыв в работе Государственного Совета и Государственной Думы.

27 февраля прошло заседание думского совета старейшин, на котором отмечалось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос. Дума примет живейшее участие, но для этого, прежде всего, необходимы порядок и спокойствие» [1, с. 26]. После этого заседания состоялось частное совещание членов Государственной Думы по вопросу «о власти», на котором было принято постановление «не разъезжаться из Петрограда» и поручить совету старейшин сформировать особый комитет для определения дальнейшей роли Думы в начавшихся событиях [2, с. 146–148].

Самим названием нового органа – «Временный Комитет членов Государственной Думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями» (ВКГД) – подчеркивался ситуационный характер стоявших перед ним задач. Председатель ВКГД М.В. Родзянко намерен был ограничить его деятельность получением от императора согласия на образование правительства, ответственного перед Государственной Думой. После неудачного исхода переговоров по этому поводу М.В. Родзянко готов был распустить комитет. Между тем именно этот политический институт сыграл важную организующую роль в конце февраля – начале марта 1917 г.

В ночь с 27 на 28 февраля было составлено воззвание к населению и армии, в котором говорилось: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием» [2, с. 119].

Прежде всего Временный комитет озаботился установлением контроля над аппаратом государственного управления. Им были отрешены от должностей царские министры, которых до образования нового правительства должны были замещать комиссары из состава Думы. В эти первые дни революции «все учреждения умоляли “прислать члена Государственной Думы”. Авторитет их был высок еще... Чем дальше от Таврического дворца – тем обаяние Государственной думы было сильнее и воспринималось пока как власть» [3, с. 198]. Всего в феврале-марте 1917 г. комиссарские мандаты от Временного комитета в государственные учреждения, войсковые части, губернии, уезды и города получили 122 человека, в том числе 119 думцев четвертого созыва [4, с. 46–74]. В начальный период своей деятельности Временное правительство неоднократно прибегало к услугам комиссаров ВКГД, приравняв их по статусу к товарищам министров.

После отречения императора Временный комитет явился фактическим источником власти для Временного правительства. Декларация о создании правительства от 3 марта начиналась со слов: «Временный Комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью...» [5, с. 419].

Первым свою подпись под декларацией в качестве «Председателя Государственной Думы» поставил М.В. Родзянко, полагавший, что Дума стоит выше правительства [6, с. 303]. Персональный состав назначенных министров также мог свидетельствовать о думском «происхождении» правительства. И в последующее время думцы и выборные члены Государственного Совета являлись важным источником кадрового пополнения Временного правительства. Должности министров и их заместителей в разных составах правительства получили более 30 парламентариев.

Между тем противоречия между ВКГД (шире – Государственной Думой) и Временным правительством возникли практически изначально. На первом же заседании правительства был поставлен вопрос

о его статусе и отношении к Думе. Протокол этого заседания содержал следующую запись: «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы. По этому поводу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что, таким образом, возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы IV созыва. Нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думой может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 “Основных законов”, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент» [7, с. 385]. 3 марта ЦК кадетской партии постановил, что «Временное правительство должно считаться имеющим законодательную и исполнительную власть», «следует оставить в бездействующем состоянии Временный комитет Гос. Думы, не упраздняя его, а также не изменяя ни в чем нынешнего состояния законодательных палат» [8, с. 354].

Однако в течение по крайней мере марта-апреля следовать этой теории в своей практической деятельности Временному правительству было сложно. Так, 5 марта правительство постановило передать Государственную типографию в ведение Думы; 14 марта было разрешено военному министру внести в Думу представление об изменении порядка передачи наследникам и использования оставшихся после убитых казаков седел; 26 марта на рассмотрение второму департаменту Государственного Совета передавались срочные железнодорожные дела; 5 апреля правительство постановило, ссылаясь на статью 47 «Учреждения Государственной Думы», вернуть из Думы законопроект об установлении границ округа санитарной охраны и санитарных сборов; 27 апреля правительство утвердило мемории первого департамента Госсовета по делам, рассмотренным 1 февраля, и второго департамента по делам, рассмотренным 24 февраля 1917 г. [7, с. 37, 90–91, 173, 233, 362–363].

Возникшее соперничество проявилось и 3 марта при составлении формулы отказа от престола великого князя Михаила Александровича. В.В. Шульгину удалось внести указание на то, что Временное правительство возникло по почину Государственной

Думы. Однако его оппонент В.Д. Набоков, ставший управляющим делами Временного правительства, добился включения в текст документа слов о том, что правительству принадлежит «вся полнота власти», подразумевая под этим и законодательную, и исполнительную власть [9, с. 21]. Этот подход в деятельности правительства настойчиво проводили А.Ф. Керенский, П.Н. Миллюков и В.Н. Львов. С усилением позиций правых социалистов во Временном правительстве подобный взгляд приобрел абсолютный характер.

Эволюцию отношения Временного правительства к ВКГД достаточно точно охарактеризовал в своих воспоминаниях октябрист С.И. Шидловский: «Правительство, обязанное своим происхождением Государственной Думе и ею назначенное, стало считать себя своего рода диктатором и даже при всех дальнейших изменениях в своем личном составе стало сначала испрашивать разрешения Думы, затем только доводить до сведения по собственной инициативе, затем извещать Думу по ее требованию и, наконец, совершать все эти изменения самостоятельно, без всякого участия Думы» [10, с. 65].

Государственной Думе как учреждению в политическом процессе 1917 г. места не нашлось. Временное правительство не устраивал состав Думы четвертого созыва, сформированный на основе избирательного закона 3 июня 1907 г. «Цензовое» народное представительство оно рассматривало как часть рухнувшей политической системы, признавая утратившими силу Основные государственные законы 1906 г., которые, в конечном счете, и являлись источником легитимности для Государственной Думы. С недоверием к составу Думы четвертого созыва относились и лидеры Прогрессивного блока, вошедшие в состав ВКГД. Поэтому и родилась идея сохранять Думу «про запас», на случай, когда Временное правительство могло бы лишиться «всенародного признания» и потерять «всякий авторитет» [11, с. 224–225].

Случайный и непредметный характер «руководящей роли» Государственной Думы в первые дни революции был очевиден для большинства политиков той поры. Но вызывавшей опасения революционной анархии необходимо было противопоставить хотя бы подобие организующего начала. Именно такая руководящая роль в февральских событиях и была присвоена Думе, роль скорее воображаемая, чем на самом деле сыгранная. По меткому замечанию И.Л. Архипова, «в мифологии “общенациональной идеологии” Дума выполняла роль символа, связанного с триумфальной победой над царизмом» [12, с. 223].

Сами думцы были не согласны пассивно ожидать того момента, когда вновь пробьет их час, и стремились в той или иной форме обеспечить участие Государственной Думы в принятии политических решений. Впервые подобные попытки были предприняты в дни апрельского кризиса Временного

правительства. В ночь на 21 апреля в Мариинском дворце состоялось «информационное» совещание членов Временного правительства, ВКГД и Исполкома Петросовета по вопросу о путях преодоления кризиса. Вслед за этим на заседании ВКГД В.В. Шульгин, как сообщила газета «Речь» 23 апреля, предложил «устройство какого-нибудь органа, который имел бы совещательный характер и дал бы возможность Временному правительству обмениваться мнениями с представителями различных политических партий». В тот же день, по информации газеты «Утро России» от 25 апреля, руководители Комитета московских общественных организаций предложили создать особое Государственное совещание, в состав которого могли бы войти члены Государственной Думы, представители земств, городских дум, советов рабочих и солдатских депутатов крупных городов и других общественных организаций.

Инициатива Шульгина нашла свое выражение в организации частных совещаний членов Государственной Думы. За период с 22 апреля по 20 августа состоялось 14 подобных совещаний, хотя и предполагалось их еженедельное проведение. Для участия в заседаниях приглашались думцы всех созывов, а с июля – и выборные члены Государственного Совета, практически же состав совещаний ограничился примерно шестьюдесятью депутатами последнего думского созыва. Думский председатель М.В. Родзянко, определяя цель частных совещаний, подчеркнул, что от думцев ждут «указаний на то, как надо вести государственный корабль» [11, с. 266].

Подсластить горечь бездеятельного положения Государственной Думы должно было юбилейное собрание 27 апреля, на которое были приглашены депутаты всех четырех созывов, находившиеся в то время в Петрограде. Для проведения этого заседания пришлось попросить участников фронтального совещания перейти из Большого зала Таврического дворца в другое помещение. На старое место водрузили «куда-то исчезавшее кресло Родзянки; аккуратно завесили холстом зиявшую дыру все еще висевшей рамы от царского портрета». Были приглашены послы союзнических государств, а ложу Государственного Совета «любопытства ради» заняли члены исполкома Петросовета [13, с. 136].

М.В. Родзянко, открыв заседание, пригласил в сопредседатели Ф.А. Головина и А.И. Гучкова, но последний к началу собрания опоздал. Повестка дня предполагала выступления трех думских председателей, главы Временного правительства, шести ораторов-перводумцев и по одному оратору от каждой фракции второго-четвертого созывов. Родзянко в своей речи акцентировал внимание на руководящей роли Думы четвертого созыва в революционном движении. Многие ораторы высказывали озабоченность по поводу развития событий в стране. Из общего

хора выбивались голоса думских меньшевиков. Их настроения четко выразил М.И. Скобелев, заявивший: «Государственная Дума выполнила свою роль, мавр сделал свое дело и, уходя отсюда, мы можем сказать: Государственная Дума умерла, да здравствует Учредительное собрание!» [14, л. 115]. Мероприятие, начавшись в жанре юбилея, завершилось едва ли не панихидой по Государственной Думе. Горькое ощущение того дня Н.В. Савич передал фразой: «...хоронили торжественно знатного покойника, до которого, по существу, собравшимся нет дела, о котором они не жалели в душе» [15, с. 230–231].

Новый всплеск активности думцев в отстаивании прав народного представительства относится ко времени работы I Всероссийского съезда Советов. Вопрос о Государственной Думе не мог не возникнуть в ходе съезда уже потому, что его открытие пришлось на 3 июня, на день десятой годовщины роспуска Думы второго созыва и издания избирательного закона, на основании которого и была сформирована Дума четвертого созыва. А.В. Луначарский от имени социал-демократов-интернационалистов предложил резолюцию, требовавшую роспуска Государственной Думы и Государственного Совета. Резолюция была поддержана большевистской фракцией съезда. На возражение В.М. Чернова, стоит ли «убивать покойницу», Луначарский ответил: «Если Дума умерла, давайте ее похороним, потому что ее разложение заражает трупным запахом революционную атмосферу. Надо вбить осиновый кол в подозрительную покойницу, которая имеет тенденцию воскреснуть». В результате дебатов была принята резолюция, в которой констатировалось, что старые законодательные учреждения как органы государственной власти уже упразднены революцией вместе со всем старым режимом. Заявления же «бывших» членов Думы являются просто «выступлениями частной группы граждан свободной России, никакими полномочиями не облеченных» [15, с. 294; 16, с. 265–266].

Вопрос о будущем Государственной Думы должен был рассматриваться на заседании Временного правительства 15 июня, но был снят с повестки дня Г.Е. Львовым. В преддверии этого события М.В. Родзянко провел заседание совета старейшин, на котором обсуждался правовой статус Думы и была принята резолюция, в которой подчеркивалось: «Как бы ни было несовершенно положение о выборах 3 июня 1907 г., тем не менее, до созыва Учредительного собрания члены Государственной думы принуждены сохранять свое значение народных представителей со всеми вытекающими из этого факта последствиями» [17, с. 72].

С начала июля депутаты стали активно обсуждать вопрос о необходимости возобновления деятельности Государственной Думы как законодательного учреждения. Эти дебаты были спровоцированы фактическим

признанием Временным правительством Украинской Рады и его согласием на предоставление Украине автономии, не дожидаясь решения Учредительного собрания. На частном совещании 2 июля нашла поддержку идея В.В. Шульгина об отказе от ответственности за деятельность Временного правительства. Тогда же прозвучали предложения о созыве думской сессии как минимум для обсуждения правительственной политики в отношении Украины. Аналогичные предложения высказывались и в ходе заседания 18 июля, посвященного обсуждению воззвания ВКГД о необходимости «твердой власти» и восстановления боеспособности армии [11, с. 155–192, 192–230].

8–10 августа в Москве состоялось первое совещание общественных деятелей, в котором участвовало около 400 человек, представлявших различные политические и общественные организации несоциалистического характера, включая Государственную Думу. Председателем форума был избран М.В. Родзянко. Совещанию предполагалось придать характер постоянно действующей организации с целью внесения в революционный процесс «смягчающих нот». Сформированный совещанием совет общественных деятелей возглавил Родзянко. В.И. Гурко, оценивая впоследствии значение этой организации, признавал, что «это была обыкновенная политическая говорильня, не имевшая никаких связей в широких слоях населения, и за отсутствием каких-либо средств, не только не проявившая, но и не имевшая ни малейшей возможности проявить какую-либо реальную деятельность» [18, с. 314].

Московское государственное совещание (12–15 августа) оказалось последним политическим форумом в 1917 г., где Дума была представлена как государственное учреждение. Первоначально предполагалось, что в работе Совещания примут участие 300 думцев всех четырех созывов. Избранными оказались 488 депутатов из примерно двух с половиной тысяч делегатов. На Совещании думская группа не смогла подготовить общее заявление. Только на вечернем заседании 14 августа М.В. Родзянко была предоставлена возможность выступить с декларацией от имени Думы, основу которой составили положения, принятые на первом совещании общественных деятелей. Однако Родзянко не успел прочитать декларацию из-за истечения отведенного ему времени. А.Ф. Керенский великодушно разрешил ему нарушить установленный регламент и огласить думский документ, но Родзянко отказался со словами: «Председатель Государственной думы никогда не позволит себе воспользоваться нарушением закона...». Резолюция была зачитана лишь частично (опять-таки из-за истечения времени для выступления) в последний день работы Совещания [19, с. 107, 163–165]. Расстроены таким оборотом дела члены ВКГД, участвовавшие в работе форума, готовы были тут же созвать заседание Думы. Но

из-за массового отъезда депутатов из Москвы 15 и 16 августа эта затея не осуществилась [11, с. 273].

На Государственном совещании было достигнуто соглашение о том, что Дума четвертого созыва завершит свои полномочия в отведенный ей пятилетний срок, т.е. 15 ноября. Но на последнем частном совещании, состоявшемся 20 августа, некоторые депутаты говорили о необходимости продлить эти полномочия до момента открытия Учредительного собрания, полагая таким образом не допустить безвластия в стране [11, с. 265–267]. Иллюзии думцев оказались разбитыми в тот момент, когда выяснилось, что Государственная Дума не получила представительства на Демократическом совещании. В ночь на 28 августа на объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Совета крестьянских депутатов была принята резолюция, в которой подчеркивалась «необходимость немедленного созыва Временным Правительством совещания, подобного Московскому, но с исключением из него “представителей” 4-х Гос. Дум» [20, с. 17]. Более того, в ходе совещания (14–22 сентября) неоднократно звучали требования формального роспуска Государственной Думы и Государственного Совета. Эти предложения исходили от белорусской военной организации, Украинской Центральной Рады, большевистской фракции и др. [21, с. 127, 137].

6 октября Временное правительство объявило о роспуске Государственной Думы и истечении полномочий выборных членов Государственного Совета. Место Думы с функциями представительного учреждения до созыва Учредительного собрания занял инициированный Демократическим совещанием Временный Совет Российской Республики (предпарламент), начавший свою работу 7 октября.

В период с конца февраля по начало октября 1917 г. правовой статус членов Государственной Думы и Государственного Совета носил противоречивый характер. Отречение императора породило проблему легитимности членов Государственного Совета по назначению. Министры царского правительства, в том числе и назначенные к присутствию в Совете, в первые дни революции были арестованы. Содержался под стражей и председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов. Роспуск Временным правительством верхней палаты привел бы не только к прекращению полномочий назначенных ее членов, но и выборных. А это с неизбежностью усложнило бы положение Государственной Думы: «Почему верхняя палата, включая и выборную ее часть, распущена, а нижняя, сформированная на основе также недемократических норм, сохраняется?» Вряд ли кто из политиков смог бы найти убедительный ответ на такой вопрос.

Не менее сложной была проблема материального обеспечения депутатского корпуса. И в первую очередь

она касалась назначенных членов Государственного Совета. Император устанавливал размер жалования и пенсии персонально каждому из них. В первые недели после отречения Николая II «наиболее добросовестные и тактичные члены Госуд. Совета почувствовали неловкость своего положения и нравственную невозможность получать крупное содержание, не делая ничего, и возбудили вопрос об уместности подачи в отставку». Немало среди них было и лиц, которые не могли рассчитывать на какой-либо другой заработок, а потому беспокоились по поводу своего будущего. Н.С. Таганцев, известный юрист и государственный деятель, передал прошение об отставке и о назначении пенсии через управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова. При этом он всплакнул и сказал: «Да, голубчик, очень тяжело! Ведь я всю жизнь ждал осуществления нового строя. Все чего я достиг – я, сын крестьянина, записавшегося в купцы 3-ей гильдии, чтобы дать мне образование, – всего этого я достиг только своим трудом, я никому ничем не обязан. И вот теперь – я оказываюсь никому не нужным и возвращаюсь в первобытное состояние» [9, с. 28]. Жалование и пенсии членов Государственного Совета по назначению неоднократно становились поводом для статей в газетах социалистического направления и речей на митингах перед домом Кшесинской, где располагалась штаб-квартира большевистской партии. Возмущение вызывало то, что Временное правительство «расточает народные деньги на слуг старого царского режима» [9, с. 29]. Под давлением Петросовета и революционного общественного мнения Временное правительство постановлением от 5 мая упразднило должности членов Государственного Совета по назначению с 1 мая и вывело их за штат, т.е. оставило без содержания.

Думцы и выборные члены Совета сохраняли свой статус до 6 октября. Однако удержать всех парламентариев в Петрограде не представлялось возможным. 20 мая М.В. Родзянко сетовал: «Наши ряды тают ужасающим образом, все меньше и меньше из членов Государственной думы в наличии, хотя мы отпусков не даем». 20 августа, смирившись с положением, он «очень просил», чтобы хотя бы часть депутатов в порядке очередности постоянно находилась в столице [11, с. 50, 266].

Канцелярия Государственной Думы продолжала скрупулезно фиксировать все изменения в составе формально нераспущенной палаты. В начале марта три фракции (русская национальная, кадетская и центра) подтвердили свое участие в работе совета старейшин. Но появлялись и депутаты, которые отказывались продолжать свою парламентскую деятельность. Первыми добровольно сложили с себя думские полномочия С.Н. Алексеев, П.Н. Крупенский (оба – 20 марта) и А.С. Посников (19 апреля). Вместе с тем 20 апреля началось оформление личного дела С.А. Дементье-

ва, который должен был занять депутатское место от Екатеринославской губернии взамен умершего М.М. Алексеенко. 31 августа было получено ходатайство от сложившего с себя епископский сан Никона о восстановлении в рядах Думы и с просьбой выдать депутатские документы на имя Н.Н. Бессонова, что и было сделано в середине сентября. И.И. Дмитрюкову в день роспуска Временным правительством Государственной Думы канцелярией было выписано удостоверение о том, что он является секретарем Думы.

14 декабря декретом СНК упразднились Государственный Совет и Государственная канцелярия, а назначенные члены Совета, оставленные Временным правительством за штатом, считались уволенными с 25 октября. Через пять дней СНК принял постановление «О прекращении выдачи содержания бывшим членам Государственного совета». Оказалось, что по разным причинам некоторые члены Совета по назначению по-прежнему получали жалованье. Бывшим членам верхней палаты предлагалось воспользоваться правом пенсии, для чего надо было подать прошение в народный комиссариат государственного призрения с предоставлением сведений о своем имущественном положении. 18 декабря по инициативе М.С. Урицкого был принят декрет «Об упразднении канцелярий бывшей Государственной думы и ее Временного комитета». Оставшиеся на счетах этих учреждений средства передавались в распоряжение «комиссара над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией» для покрытия расходов по организации временной канцелярии и приставской части создаваемого форума. Декретом СНК от 20 января 1918 г. остатки средств по сметам Государственной Думы, Временного Совета Российской Республики и Учредительного собрания с 1 марта должны были быть переданы ВЦИК [22, с. 231, 252, 265–266, 383–384].

В годы Гражданской войны экс-парламентарии предпринимали попытки организовать в том или ином виде активную политическую деятельность распущенных законодательных палат. Так, в мае 1918 г. М.В. Родзянко задумал возобновить заседания Государственной Думы четвертого созыва под своим председательством. К участию в этом мероприятии приглашались и думцы предыдущих созывов. Но по распоряжению генерала П.Н. Краснова Родзянко был выслан с Дона как «гражданин Демократической советской республики». В ноябре он выступил с идеей создать «Национальный совет» в составе членов Государственной Думы всех четырех созывов, Поместного церковного собора и Временного Совета Российской Республики как «носящих символ законно избранных государственных учреждений» [23, с. 106].

Летом 1918 г. «Совещание членов Государственной Думы и Государственного Совета» все же начало действовать в Киеве, но уже без участия М.В. Родзянко.

Совещание избрало постоянно действующий совет, в котором активную роль играл П.Н. Милоков. По его предложению было одобрено «Обращение к русскому обществу», в котором подчеркивалась необходимость «скорейшего создания авторитетного общероссийского представительства, которое могло бы встать на место советской власти». Большинство участников совещания признавало, что после победы над большевизмом в России должен быть установлен режим конституционной монархии. Совет попытался подчинить своему влиянию руководство Добровольческой армии. В наказе «уполномоченным Совещанием, отправлявшимся в Добровольческую армию», указывалось, что ближайшая его задача – «создание объединенного органа сильных общественных групп, состоящего как из представителей учреждений, отражающих зрелую политическую мысль страны, каковыми являются бывшие законодательные палаты, земские и городские самоуправления дореволюционного издания, так и представителей важнейших отраслей народного труда, как-то: землевладения и земледелия, промышленности, торговли, финансов» [23, с. 112–113].

На основе Совещания в конце октября сформировался Совет государственного объединения России (СГОР), перебравшийся позднее в Одессу. В Совет вошли по пять человек от членов Государственной Думы, членов Государственного Совета, земских деятелей, представителей городского самоуправления, торгово-промышленных кругов, финансистов, земельных собственников, академических кругов и церковных деятелей. Председателем организации был выбран член Государственного Совета В.В. Меллер-Закомельский, а его заместителем от Государственной Думы – П.Н. Милоков [24, с. 54]. Однако глубокого следа в истории антибольшевистского движения СГОР не оставил и распался в апреле 1919 г. после эвакуации французских войск из Одессы.

Бывшие российские парламентарии смогли собраться на свой форум уже в эмиграции. 30 ноября – 2 декабря 1920 г. в Париже в помещении русского посольства состоялось совещание депутатов Государственной Думы четырех созывов и членов Государственного Совета по выборам. Председательствовавший на совещании А.И. Гучков видел его цель в «объединении партий и национальностей в интересах государственного строительства России». По словам В.А. Маклакова, «эс-эры подняли гвалт и сказали, что если туда пойдут кадеты, то всякие разговоры с ними будут прекращены; кадеты имели мужество туда все-таки же пойти, хотя бы затем, чтобы предложить этим членам бывших законодательных палат

оставить всякую надежду на то, чтобы можно было что-либо сделать из них» [25, с. 304]. Позицию кадетов озвучил А.И. Коновалов. Как сообщила 1 декабря газета «Последние новости», он высказался против создания организации из бывших членов законодательных палат ввиду неоднородности и случайности их состава. По его мнению, все это могло только запутать ситуацию и повредить делу реального объединения антибольшевистских сил. Парижское совещание стало последней попыткой объединить бывших членов законодательных палат независимо от их партийной принадлежности для борьбы против большевиков.

Сторонники правоцентристской ориентации направили свои усилия на создание «Русского парламентского комитета за границей». В проекте положения о Комитете, разработанном инициативной группой во главе с А.И. Гучковым, указывалось, что его целью является осведомление «иностранных парламентов, фракций их и отдельных парламентских деятелей о положении в России», а также «укрепление связи и развитие сотрудничества между русскими и иностранными парламентскими деятелями для защиты интересов России». В состав Русского парламентского комитета могли входить все бывшие выборные члены законодательных учреждений: Государственной Думы, Государственного Совета и Учредительного собрания [26, с. 487]. Исполнительный орган Комитета, располагавшийся в Париже, начал свою деятельность 12 декабря 1920 г. В ряде европейских столиц (Берлин, Белград, Константинополь, Лондон) в январе 1921 г. были созданы местные парламентские комитеты.

3 января 1921 г. П.Н. Врангель созвал в Константинополе собрание членов Государственной Думы и Государственного Совета и заручился их поддержкой на создание Русского Совета, который рассматривался как будущее правительство России. В состав Русского Совета были приглашены и бывшие российские парламентарии. В мае того же года состав Русского Совета расширился, в него вошли 20 членов по избранию и 10 назначенных Врангелем. Константинопольский Парламентский комитет получил квоту на 6 мест по выборам [27, с. 40–41]. Осенью 1922 г., уже находясь в Сербии, Русский Совет в результате внутренних противоречий распался.

На врангелевском Русском Совете завершается серия попыток возродить Государственную Думу в качестве реального политического института. После него бывшие парламентарии участвовали в политической жизни Русского зарубежья уже не как представители законодательной палаты, а как активисты и члены тех или иных эмигрантских организаций.

Библиографический список

1. Николаев, А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / А.Б. Николаев. – Рязань, 2002.
2. Февральская революция 1917 года : сб. документов и материалов / под ред. А.Д. Степанского и В.И. Миллера. – М., 1996.
3. Шульгин, В.В. Дни. 1920 / В.В. Шульгин. – М., 1989.
4. Николаев, А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): Персональный состав / А.Б. Николаев // Из глубины времен. – СПб., 1995. – Вып. 5.
5. Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы. – М., 1957.
6. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М., 1990. – Т. 2.
7. Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года. – М., 2001. – Т. 1.
8. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3 : 1915–1920 гг. – М., 1998.
9. Набоков, В. Временное правительство / В. Набоков // Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 1. – Кн. 1.
10. Шидловский, С.И. Воспоминания / С.И. Шидловский. – Берлин, 1923. – Ч. 2.
11. Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной думы. – М. ; Л., 1932.
12. Архипов, И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния / И.Л. Архипов. – СПб., 2000.
13. Суханов, Н.Н. Записки о революции / Н.Н. Суханов. – М., 1991. – Т. 2. – Кн. 3.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. – Оп. 5. 1917 г. – Д. 292.
15. Савич, Н.В. Воспоминания / Н.В. Савич. – СПб. ; Дюссельдорф, 1993.
16. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. – М. ; Л., 1930. – Т. 1.
17. Владимирова, В. Революция 1917 г. / В. Владимирова. – М. ; Пг., б/г. – Т. II.
18. Бортневский, В.Г. Избранные труды / В.Г. Бортневский. – СПб., 1999.
19. Государственное совещание : стенографический отчет. – М. ; Л., 1930.
20. Большевики в 1917 году. – М., 1996. – Т. 3. – Ч. 1.
21. Руднева, С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума / С.Е. Руднева. – М., 2000.
22. Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т. 1.
23. Деникин, А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин // Вопросы истории. – 1994. – №3.
24. Гуковский, А.И. Французская интервенция на юге России 1918–1919 гг. / А.И. Гуковский. – М. ; Л., 1928.
25. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. – М. ; Стэнфорд, 2001. – Т. 1.
26. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии, 1920–1921. – М., 1996. – Т. 4.
27. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов : документы и материалы. Т. 1 : Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. – Кн. 2: На чужбине. – М., 1998.